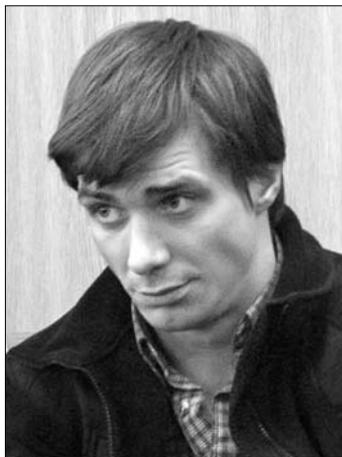

ЕГОР СОРОКИН

ЗАПАХ КОСМОСА

РАССКАЗ

Немолодой уже человек сидит на крыше. Он не свешивает ноги за парапет и не дурачится от замираний сердца, находясь на высоте. Наблюдает верхолаз, как проходит цветение весны, пролетает лето, сквозит осень и засыпает зима. Очень зависит от погоды его жизнь, ведь труд его — уличный. Сегодня работа нехитрая, стены красить краской. Только вот попасть на неё не так уж и легко. Пока он вяжет узлы, ветер сдувает с деревьев последние осенние листья, раскидывает их омертвевшим ковром под концы болтающихся с крыши верёвок.

Анвар не стремился к стабильности, вот и дошёл до такой жизни. Штанишки так бы и свалились, если бы не альпинистская обвязка. Но не только эту функцию выполняет она, на ней ещё карабины и зажимы висят всякие, страховочная она, наконец. А ветер знай себе свистит в жерлах водостоков. Вот и наш герой в обед свирельку-дудочку, что флейтой называется, достаёт из кожаного чехольчика и подыгрывает всем ветрам свой незатейливый мотив “милого Августина”. Из термоса он пьёт супчик, из другого чаёк. Вот Борей успокаивается, и лишь спутанные в бороду верёвки напоминают о буйствах природы.

По ломаному рельефу крыши, будто скаковая лошадь на полосе препятствий, держа в руках ведро, шпатель и ещё Бог весть что, он пробирается к точке навески. Сегодня это дымовая труба. Да! Это то самое место, с которого и начинается рабочий день всякого промышленного альпиниста. В голове его мало места занимает работа, она ведь проста донельзя: спуститься по верёвке с крыши, махнуть валик в ведро, раскатать на стену, спуститься, махнуть, раскатать... Вот воспоминания художника Коровина о Шаялине

СОРОКИН Егор Александрович родился в 1985 году в Москве в семье строителя и педагога. Окончил строительный техникум и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар А. Ю. Сегеня). Работает промышленным альпинистом.

его занимают куда больше, и думы направлены вперёд, в зиму. В то чудное время, когда он берёт тайм-аут и сам пишет картины. Перелезая через очередную преграду, он теряет мысль, и вот уже сидит перед мольбертом и творит. Не стоит забывать, что, передвигаясь, он издаёт ритмичный звон — это всякие-разные железячки бряцают друг о друга. Он уже собирается вылезти на верёвку, как его останавливает окрик из слухового окна. Заботливые соседи и соратники по труду желают вернуть ему карабин, который ранее он случайно обронил.

— Спасибо! — говорит Анвар.

— Не за что, — отвечает ему сосед в малиновом горнолыжном комбинезоне.

Вот он, видите? Маленькая зеленовато-серая точка на бежевом доме, влево от малиновой, ведь видите? Это он, это Витёк. Он уже болтается висюлькой и катает валиком краску из ведра по стенке дома — дом этот стоит на берегу Москвы-реки. Раздаётся звон ударов тысяч молотков, визг сотен дрелей и уханье не одного десятка рабочих. Да! Вот она, мелодия вновь “отмытой” столицы. Финальной канонадой бьёт перезвон колоколов храма всея Руси. Все радуются! Бюджет пилится, работа работает, жизнь продолжается.

В этом гомоне, среди лесов и прочих люлек, висит наш Анвар. Он слушает музыку в плеере и тихонько подпевает известному певцу. Дело в его руках спорится, стена метр за метром покоряется его валику и окрашивается в нужный цвет.

Семья Анвара переехала в столицу из Ташкента ещё при Союзе, поселились в Кокоскино. Молодой человек так и не озадачился получением высшего образования. Уехал от родителей и облюбовал уголок в одном подвальчике, отданном под мастерские его друзьям-скульпторам. Подрабатывать пытался разными способами, но больше всего запомнились мытарства коммивояжёра. Приключения начинались с утра, он шёл на базу и набирал в рюкзачок немного книг. Мыслимыми и немислимыми путями Анвар должен был сбыть свой товар, минуя преграды, состоящие в основном из проходных и заборов. К вечеру он так утомлялся, что едва шевелил ногами, но всегда выручала настойчивость — и он, вдохнув сырую затхлость подвала, погружался в него и ел да спал. Не лучшим образом сказалось место проживания на его здоровье. Не было даже окна, свет лился из маленькой жёлтой лампочки, висящей под низким потолком и раскачивающейся при открытии двери.

Одним летним днём Витёк взялся восстанавливать лепнину на Солянке. Привычка к скрупулёзному труду помогла немножечко, но вот отсутствие оной к штукатурному инструменту портило практически все усилия работать быстрее. Всё же эта работа оказалась куда более интересной и выгодной, чем предыдущий промысел. Начал он и на крышу поглядывать: сначала появляется верёвка, потом человек, как будто в доспехах, и перемещается по совершенно отвесной стене. Заинтересовался Анвар. На его счастье или беду, отозвался на рвение “вывеситься” паренёк-альпинист, тот у которого опыта немногим больше оказалось — и тут понеслось. Крыши, стены, стройки, офисные стекляшки, заводы... Даже в Кремле удалось ему поработать.

Забавнейшая, в сущности, приключилась история. Обычное дело — нелепица в промышленном альпинизме. Но этот случай стоит отдельного упоминания.

Анвар ещё со времён своей службы радистом в ГДР увлёкся историей Великой Отечественной и, пресытившись информацией с бумажных и цифровых носителей, ушёл в поля. Своего металлоискателя сначала не было, вот и приходилось одалживать у знакомцев. А вот котелок приобрести пришлось первоочередно, как и костюмчик “горку” — больно липка грязь рядом с бывшим окопом. Зимой не копалось: земля промерзала, а “трофеи” дома валялись. Вот в белоснежную пору и раздался звонок от постоянного заказчика, Серёжи Кудрина:

— Анвар! Не хочешь снежок в Кремле покидать?

Заманчива была перспектива поработать в сакральном месте всей государственности Российской.

— Ну да. Где? Во сколько? — Альпинист быстро согласился, надеясь на

парочку отменных селфи. О финансовом стимуле речи не было. Анвар явно был заинтересован и уверен, что уж в Кремле-то точно “не обидят”.

— В семь на Боровицкой. Вот только ещё что... Нужны паспорт, корочка и каска. Есть у тебя? — На каску был сделан особый упор, а её как раз под рукой и не было.

— А без каски никак вообще?

— Ну ты что, не понимаешь? Не, никак. Ну что, найдётся к утру она?

— Будет. Ну конечно, будет! Так значит, к семи? А верёвки сколько надо?

— Возьми два полтинника. Счастливо!

Ещё затемно Анвар приступил к работе. Когда рассвело, и холодное зимнее солнце принялось весело играть с золотистой снежной пылью, разлетающейся от пластика лопаты во все стороны, вдруг зазвонил телефон. Поднеся трубку к уху, Анвар буквально услышал, как бьётся сердце в горле подрядчика.

— Анвар, сними каску, — говорил он негромко, но в этом почти что шёпоте слышался рёв испуганной белуги. Анвар огляделся — вокруг никого, только дворник заметает снег под Царь-пушку, да безжизненные глазницы домов темнеют во впадинах откосов. Снял.

И понял, что не самая лучшая идея вылезать в трофейном головном уборе на крышу одного из зданий московского Кремля. В принципе, вина его не велика, Анвар не смог себе позволить нелепых и сложных предположений. За ним, в столь ранний час, устроена слежка? Кто-то очень умный смотрит на него? Ну кто увидит? Обычная немецкая каска времён войны.

— Снял уже, — спокойствием своим он раздражал Серёжу.

— Так слезай уже. Я свою привезу. Ладно? — Было слышно, как стукнула железная дверь за спиной говорившего, быстрый топот ног.

— Ладно.

Анвар ушёл на чердак. Потом за сущие копейки наелся от пуза в фэсэшной столовке и задрях в подсобке, ожидая Серёжу.

Процентов восемьдесят времени в день заезда на не исследованный никем ещё объект отнимает досконально изученный Анваром процесс. Это не является правилом, но проблем с ключами, дуболомством охранничков, невероятнейшими рельефами крыши ещё никто не отменял. Добыть ключ, чтобы пройти по крыше, обнаружить ещё одну дверь под замком и искать ключ уже от неё, что может быть интереснее! Так раз за разом Анвар тренировал в себе качества находчивого геймера.

Как представители свободной профессии, промальпы редко задерживаются на одном месте, вот и кочуют с объекта на объект. Рюкзак со снаряжением представляет собой внушительных размеров заплечную сардельку. Там собрано всё необходимое для жизнедеятельности. Упакованные в рюкзак верёвки, железки, одежда, инструмент, походная кухня, книжка, непривычному человеку могут показаться просто-напросто неподъёмным бараклом. Понаблюдав вокруг себя, можно и в подземке заметить нагруженного верхолаза. Имеется некоторая сложность в дифференциации от обычных туристов, хотя на досуге многие таковыми и являются. Но есть у промальпов одна характерная дурацкая привычка — вешать карабин на затяжную лямку.

Весёлую жизнь проживал Анвар, но этот обед изменил всё. Снедь простая: картошенька с двумя сосисками из пластикового контейнера и чаёк из чёрного термоса, обшитого дерматином. Анвар вкушал пищу неторопливо, робкий солнечный луч струился в сумрак чердака сквозь щели дверки слухового окна. Дудочка лежала в клапане рюкзака, рядом с книгой, настраивалась издавать гармонии сытости, выдуваемые верхолазом после принятия пищи. Анвар доел хлеб, залпом махнул сладкий чай, покусал яблоко и полез в клапан, дудочка уже практически пела, но взгляд его случайно упал на текст листовки, так настойчиво выпирающий над серостью книги криком красных букв. Листовка эта была незаурядной, отсутствовали слова “меха”, “кредит” и “скидки”. Не упоминалось о парикмахерских, ближайших стоматологиях, про фитнес с соляриями. Она скорее походила на визитную карточку, только слегка увеличенную и вытянутую. Он взял её обеими руками и поднёс к лицу, чтобы как следует разглядеть. Не поверил своим глазам, на-

правился к слуховому окну, распахнул ставни, так что солнце ворвалось на чердак, и прочёл ещё раз. Листовка вопрошала: “А ты хочешь стать космонавтом?”, на оборотной стороне была отпечатана карта с указанием здания, точным адресом и временем начала мероприятия.

Анвар достал телефон с монохромным экраном и посмотрел на часы. У него было полтора часа, чтобы добраться до ВДНХ, в павильон “Космос”, знакомый не понаслышке — когда-то давным-давно он реставрировал тот фасад. Весёлые были времена, неподалёку располагалась дешёвая столовая типа “Пельмешка”, в которой действовал вечный закон жёлтых засаленных скатёрток и витал дух пережжённого масла. А какие там были чебуреки с сыром...

Верёвки так и остались на стене, времени бухтовать их не нашлось, обвязка брошена валяться на дощатом настиле, защищающем утеплитель, разбросанный по чердаку. Рядом с нею заветривалось яблоко, запах его был настойчив и слышен. Анвар сбегал по лестнице с одиннадцатого этажа на первый — лифт пребывал в состоянии ремонта. Всем приходилось преодолевать лестничные пролёты, вверх и вниз, на своих двоих.

Проходя по мосту, Анвар бросил взгляд на фасад — там всё ещё кто-то висел. Исполинская громадина храма для солидных господ угрожающе нависала над брусчатой площадью у метро. Будущий космонавт второпях забыл наушники на крыше, и ему пришлось заметить два плазменных экрана, расположенных у забора. Внимание его привлёк радостный хор верующих — патриарх стегал их водицей собственного освящения. Только сейчас он заметил, что патриарх в этом белом праздничном колпаке похож на ракету-носитель.

Под гомон печальных мыслей ноги несли брэнное тело под землю, электронное табло турникета высветило нолик, это значит, что закончились поездки. Анвар спустился по ступенькам. У него развязался шнурок — очень некстати, больно уж спешил он погасить “листовку счастья”. Педант по натуре и перфекционист по жизни... Анвар присел на длинную лавку и старательно зашнуровал ботинок. Поезд стремительно исчез в тоннеле, прошествив голубыми вагонами. Следующего надо было ждать ещё целых три минуты. Пока Анвар ждал и высматривал в темноте тоннеля фары приближающегося поезда, справа, поодаль, миловался кто-то. Набравшийся соку полицейский катился по своим делам, опять начали прибывать люди.

Подъехавший вагон был полон “подозрительных лиц”, теперь-то он понял, о чём так настойчиво его предупреждали на ленте эскалатора. Вот они! Целый вагон битком набит опасными людьми. Кто они? Куда? Зачем? Незвестность пугала. Тяготила вся тщета бытия, как своего, так и всех этих прекрасных незнакомцев. Мечта! Только одна она и спасала от безысходности. Анвар хотел стать космонавтом. Он не верил в Бога, листовки и телевизор, зато верил в чудо. Добраться, узнать, что это был развод, профанация, лохотрон... Нет! Важно убедиться в этом лично, ведь он не простит себе, если упустит хоть одну возможность.

А ещё ему мама рассказывала, когда он был совсем маленьким, что род их идёт от хана — мол, Анвар дворянин или того круче. Наш вельможа одобрял восточных женщин, одетых скромно, осознание преемственности подкачивало ему возможность брать на себя роль судии. Он порадовался, увидев закутанную во всё чёрное девушку, но тут же отвёл глаза, стараясь не смутить её. Переплетение жил тоннеля становилось видимым от света, льющегося из плафонов, кабеля причудливо петляли. Эту игру можно наблюдать если носом уткнуться в стекло двери, попробуйте: так весело! Состав, слегка покачиваясь на рессорах, несётся в подвешенном вагоном пространстве, будто космический крейсер, совершающий подпространственный рывок.

Анвар шел по ВВЦ и покусывал зелёное яблоко, решительно направляясь сразу же лететь на Марс. Пройдя через арку массивного главного входа на ВВЦ, кандидат пошёл прямо к ракете, которая стояла перед павильоном “Космос”. Он знал, как пахнет космос, не павильон, нет, межзвёздное пространство! Один известный космонавт рассказывал, что от обшивки входного отсека, в котором побывала эта бесконечная пустота, устойчиво пахнет антоновкой. Анвар с нетерпением ждал, когда врачебная комиссия установит, что он готов лететь на красную планету. Он читал в журнале, что собирают, мол, экспедицию, с билетом в один конец. Желающих много, но почему-то Анвар

был уверен, что его точно выберут, что именно ему предстоит стать межпланетным героем. Его ничего не держало на этой планете: семьёй он так и не обзавёлся, так что красная планета была его терра инкогнита, была его второй дом.

Когда Анвар подходил к павильону “Космос”, ему показалось странным, что отсутствовали журналисты и сброд зевак, милиция и пожарные. На площади, вопреки его ожиданиям, стояла лишь одинокая белая ракета. Он хотел зайти с центрального входа, но там было закрыто. Анвар приуныл. “Вот ракета, вот я. Чего же ещё надо вам? Поехали!..” Но площадь молчала, лишь одинокий дворник в оранжевой накидке подметал улицу.

— Извините, а вы не скажете, где тут встречаются космонавтов? — Анвар надеялся, что его просто не дождалась и сейчас где-нибудь готовятся. Поэтому он обратился с этим вопросом к единственной живой душе на площади.

— Кошмонвата, нет, Алтынбек не знает кошмонвата. — Дворник задумчиво опёрся на метлу и разглядывал Анвара, добрым взглядом благодаря за минутный перерыв в монотонной работе. Анвару показалось, что Алтынбек недопонял его и ткнул рукой в ракету, стоящую посреди площади.

— Жжу-жжу, виши, — имитировал он звук вырывающихся газов из её сопла. — Лететь. Ракета. Космос. — Анвар, рукой показал на себя и на небо.

— Шесть прикол ешт! — решил Алтынбек и продолжал по-детски улыбаться Анвару. — Смешной кошмонвата тебе что хотиш? — Он правда хотел помочь, но не мог понять, чем. Анвар обессиленно взглянул на небо и издал нетерпеливое сопение, потом начал жестикулировать и быстро говорить.

— Космос, ракета, лететь, летать, пуск, Марс, я хотеть. — Когда Анвар упомянул красную планету у Алтынбека радостно расширились глаза: знакомое слово, он может помочь! Он замахал рукой на еле приметную аллею слева от павильона.

— Кошмонват туда. Марш. Ходи туда, там Марш. — Алтынбек недвусмысленно указал направление. Анвар понял, ему надо в какую-то боковую дверь огромного здания, не доходя купола. Он прошёлся по аллее до двери, обитой толстым листом металла, с перекрещивающимися полосками, приклепанными поверх, выглядело это внушительно, и Анвар понял, что пришёл по адресу. Он нажал кнопку видеозвонка:

— Здравствуйте. Я тут припоздал немного на марсианскую экспедицию. Все уже здесь?

Ответом на его монолог стало пищание, сигнализирующее о том, что дверь открылась. Анвар вошёл в помещение, коридор был не привычно прямоугольным, а круглым и прозрачным, за его плексигласовой стенкой видны были повсюду разбросанные красные камни на красном песке, среди которых застрял марсоход, не доехавший до базы, стоявшей неподалёку. Идя по коридору, Анвар наблюдал и изучал — вероятно, ему не один день придётся провести в этих суровых условиях, готовясь к экспедиции. Он уже чувствовал щемящее чувство одиночества и оторванности от родного дома, планеты. Анвар готовился ко всем тяготам, выпадающим на долю пионеров-первопроходцев, и проществовал, сохраняя достоинство, к стойке регистрации. Он протянул листовку и подкрепил её важность словами.

— Здравствуйте. Я готов лететь на Марс.

Молодая девушка отложила телефон и одобрительно закивала, потом привстала из-за стойки и проворковала:

— Где тут наш маленький космонавт?

Но когда она увидела, что Анвар пришёл без “маленького космонавта”, и оценила его решительный настрой, ненадолго опешила. Ей потребовалось время, чтобы собраться с мыслями. Как раз в этот момент из “Марсианской базы” вывалилась гурьба детишек. Их вёл мужчина в настоящем скафандре, все устремились к марсоходу.

— У нас обычно родители с детьми приходят, а вы один. Вы, наверное, хотите попасть в кафетерий? — Она понимающе посмотрела на Анвара. — Вам по коридору налево, во вторую дверь, там будет ещё надпись: “Кафе Тюбик”.

Но он не сдался. Достал яблоко, потёр его об коленку и надкусил, даря миру запах космоса.

— Дайте мне один билет на “марсианскую станцию”!